

**ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ ГОЛОДА 1932–1933 гг.
(НА МАТЕРИАЛАХ КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ И УДМУРТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ)**

В статье рассказывается о причинах и последствиях голода 1932–1933 гг. на примере двух типичных регионов Нечерноземья – Удмуртской Республики и будущей Кировской области. Начало 1930-х гг. ознаменовалось трудными климатическими условиями, что в конечном итоге привело к голоду. Однако основной его причиной была налоговая политика государства, лишавшая крестьянство продовольствия. Сотни тысяч крестьян двух регионов были обречены на голод. В таких условиях государство усилило репрессии, но одновременно оказало продовольственную помощь.

Ключевые слова: голод, государство, налоги, климатические условия, помощь, крестьянство, сопротивление.

В начале 1930-х гг. Удмуртская Республика и будущая Кировская область были типичными аграрными регионами Нечерноземья, входя в состав Нижегородского (с 1932 г. Горьковского) края. Индустриализация в годы первых пятилеток серьезно перестроила экономику, но сельское хозяйство еще оставалось основой регионов.

К концу первой пятилетки, как и в целом по стране, деревня стала в основном коллективизированной – в октябре 1932 г. в Кировской области и Удмуртии было 9 765 колхозов, в которых находились 233 511 крестьянских хозяйств, коллективизация достигла 44,3 % [1. Ф.Р.-2963. Оп. 1. Д. 1. Л. 3]. Колхозное строительство принесло ряд положительных последствий – улучшилось материально-техническое обеспечение и агротехника, что позволило поднять урожайность. Но вместе с этим оно принесло целый ряд голодных годов, среди которых голод 1933 г. являлся одним из самых тяжелых в XX веке. Удмуртия и Кировская область находились не в эпицентре голода, однако положение в регионах также было сложным.

Голод явился следствием целого ряда причин, среди которых одной из ведущих следует считать природно-географическую. Частичные неурожаи из-за плохой погоды были постоянным явлением. Уже в 1930 г. раннее наступление весны происходило с одновременным выпадением осадков, которое в части районов продолжалось в течение 2–3 недель [2. Ф. Р.-1519. Оп. 1. Д. 266. Л. 90]. В последующие месяцы дожди сменились засухой. На северо-востоке будущей Кировской области засуха была в 1930 г. и повторялась в 1931 г. [3. Ф. 1255. Оп. 1. Д. 3. Л. 1]. Частичные неурожаи были в 1932 и 1933 гг. В Удмуртии области засуха охватила в 1933 г. 12 северных районов [4. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2015. Л. 92].

Погодные условия затрудняли ситуацию, но в целом не подрывали экономику. Несмотря ни на что, урожайность, а следом на ней валовые сборы в эти годы постоянно росли. Если в 1905–1914 гг. в среднем по исследуемым регионам урожай ржи составил 6,7 ц [5], то в 1928 г. в Вятской губернии урожайность зерновых составила 7,6 ц с га, в 1932 г. – 8 ц [3. Ф. 1290. Оп. 6. Д. 279. Л. 3], в 1933 г. – 8,7 ц [3. Ф. 1290.

* © Леконцев О.Н., 2010

Леконцев Олег Николаевич (ONLekontsev@mail.ru), кафедра отечественной истории Глазовского государственного педагогического института, 427621, г. Глазов, Удмуртская Республика, ул. Первомайская, 25.

Оп. 1. Д. 296. Л. 52]. Валовый сбор зерновых по губернии составил в 1928 г. 12 млн ц, в 1932 г. — 15 млн ц, в 1933 г. — 16 млн ц [3. Ф. 1290. Оп. 6. Д. 279. Л. 3–4]. В Удмуртии по зерновым культурам урожайность повысилась за 1928–1932 гг. по сравнению с 1924–1925 гг. на 0,5 ц. В целом же за годы первой пятилетки в области, по официальным данным, был достигнут рост валовой продукции сельского хозяйства на 11,2 %, в том числе рост продукции растениеводства на 32,2 % [10. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1985. Л. 4–5].

Если принять во внимание эту статистику, более существенной причиной голода следует считать деятельность государства. Натуральные государственные поставки в различных формах в первой трети 1930-х гг. постоянно росли. По СССР в 1929 г. было собрано 967 млн пудов, в 1930 г. — 1 338 млн, в 1931 г. — 1 358 млн, в 1932 г. — 1 122 млн, в 1933 г. — 1 379 млн. пудов. По Нижегородскому краю в 1930 г. план составлял 132 тыс. т, в 1932 г. — 700 тыс. т [7]. В 1931 г. план хлебозаготовок только по Удмуртии составлял 120 тыс. т, то есть почти столько же, сколько по всему Нижегородскому краю в 1930 г. [9. Ф.Р.-195. Оп. 1. Д. 968. Л. 6 об]. К тому же Горьковский край в 1933 г. по отношению к 1929 г. сдал 205 % плана, заготовив 505 тыс. т при потребности 300 тыс. т [8, т. 4, с. 153].

Такой рост заготовок объяснялся не изобилием в деревне или стремлением крестьян ускорить экономические реформы, а жесткой политикой государства. Так, на 15 сентября 1932 г. план хлебозаготовок в Удмуртии был выполнен только на 28 %. Тогда органы ОГПУ активизировали свою деятельность в области. С 15 сентября по 15 ноября было ликвидировано 36 контрреволюционных кулацких групп, арестовано и привлечено к ответственности 167 кулаков и твердозаданцев [4. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1298. Л. 199–200]. После такой деятельности ОГПУ к 2 ноября план хлебозаготовок по Удмуртии был выполнен на 100,1 %.

Подобная политика приводила к неоднозначным итогам продовольственного положения крестьян. Хорошие урожаи позволяли в благоприятные годы увеличивать доходы крестьян. В целом по стране в 1932 и 1934 гг. выдача по трудодням зерновых на один двор увеличилась с 6 до 9 ц, трудодень составил в 1932 г. 2,3 кг, в 1934 г. — 2,8 кг [6].

Однако развитию колхозов препятствовало ухудшение климата. Перед лицом природных неурядиц крестьяне, как и раньше, оставались с небольшими запасами продовольствия. И если до революции это происходило из-за низкого уровня сельского хозяйства, то в 1930-е гг. — из-за политики государства. Это приводило к недоеданию даже при частичном неурожае, а при повторении или усилении природных катаклизмов грозило голодом. Годы массовой коллективизации не были исключением, в начале 1930-х гг. голод был обычным явлением практически каждый сезон то в одном, то в другом регионе. По данным органов ОГПУ от 5 июля 1930 г. ряд регионов страны в этом году испытывал острые затруднения с продовольствием. В их число вошел Нижегородский край [8, т. 2, с. 533]. В январе 1931 г. Вотский обком партии отмечал, что товарных излишков, которые могут быть использованы по коллективному и индивидуальному секторам, Вотская область не имеет [10. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1068. Л. 77]. Между тем, валовый сбор зерновых в 1931 г. был еще ниже валового сбора 1930 г. (в 1930 г. — 555,6 тыс. т, в 1931 г. — 489,6 тыс. т). Средний сбор составил 6,7 и 7,3 ц с га [10. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1230. Л. 137]. Это еще более обострило ситуацию.

В апреле 1932 г. в результате частичного обследования сельского хозяйства обнаружилось, что в Нижегородском крае по итогам урожая 1931 г. в 58 колхозах 17 районов зафиксированы случаи голодания колхозников, собирания милостыни и распродажи скота и домашних вещей для покупки хлеба. В сводках ОГПУ приводились примеры тяжелого положения: в Вятско-Полянском районе в Пугачевском колхозе 5 семейств не имели хлеба, «по несколько дней сидят голодными, ходят по деревне,

нищенствуют». В колхозе «Союз трудящихся» несколько семейств голодали. «Бедняк Орехов продал на хлеб последних корову и овцу, а в настоящее время снова не имеет хлеба». Случаи недостатка продовольствия были зафиксированы в 13 колхозах [2. Ф.Р.-1519. Оп. 1. Д. 85А. Л. 9–10]. Аналогичная ситуация сложилась в 1933 г. Из 6842 существующих колхозов в 1933 г. получили менее 1 кг на трудодень 309 колхозов, 1,1–3 кг – 2560, 3,1–5 кг – 2309, 5,1–10 – 1489, 10,1–20 – 175 колхозов [8, т. 4, с. 370]. В 12 северных районов УАО распределение зерна на трудодень осенью 1933 г. было также небольшим, колхозы 7 районов в среднем выделили менее 2 кг продовольствия, а еще 5–2–2,5 кг [4. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2015. Л. 92]. При этом краевые власти Кировского края указывали, что норма 2 кг на трудодень является голодной и недостаточной [4. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1974. Л. 35].

В результате в будущей Кировской области в районе Лебяжской МТС в последнюю декаду июня колхозники и единоличники питались исключительно суррогатами, без примеси муки. В районе Яранской МТС хлеб употреблялся исключительно суррогатный – с примесью куколя и лебеды. Нормы обеспеченности суррогатным хлебом – 200–300 г на человека.

В Удмуртии в районе Кезской МТС уже в начале лета из-за недорода 1933 г. ряд колхозов испытывал продовольственные затруднения. В колхозе «Вторая Сыга» голодало 20 семейств. В колхозе «Нюресшур» большинство колхозников питалось исключительно травой. Всего в районе МТС остро нуждалось в помощи 700 хозяйств (около 3 тыс. человек).

В районе Ярской МТС «на почве продовольственных затруднений имелось много случаев опухания от систематического недоедания» [8, т. 4, с. 196–197].

В условиях повторения неурожайных лет, случаев недоедания и голода колхозники стремились обеспечить себя хотя бы минимальными запасами продовольствия, в том числе и не совсем законными способами. Происходят крупные сокращения поголовья животноводства, так называемые сброски; органами власти и ОГПУ были обнаружены массовые факты хищения колхозной собственности.

Сообщения органов ОГПУ четко выявляли сложность ситуации. По их данным, в бывшей Вятской губернии в 1932 г. часть руководителей колхозов «проявили кулацко-рваческие настроения», т. е. не стали сдавать продовольствие подчистую, выполняя государственный план заготовок: «Председатель Ворончихинской артели Пижанского района заявил, что хлеба сдает государству столько, сколько остается, и авансы в этом колхозе выдали 36 % к обмолоченному... В колхозе “Комбайн” Нюлинского района выдавали 20 фунтов на едока и т. д.» [4. Ф. 2. Оп. 1. Д. 868. Л. 183.]

В УАО в начале проведения кампании по хлебозаготовкам, по данным органов ОГПУ, из-за продовольственных затруднений и «под влиянием кулацко-антисоветского элементов», в большинстве районов области имели место отказы от принятия и выполнения планов хлебозаготовки со стороны отдельных селений, колхозов и единоличных хозяйств.

Всего по данным 38 районов «извращения» были допущены в 5,4 % колхозов [4. Ф. 2. Оп. 1. Д. 868. Л. 183]. Сотрудники ОГПУ отмечали, что отказы от принятия и выполнения планов хлебозаготовок были особенно часты в конце августа и в сентябре и создали реальную угрозу срыва хлебозаготовок. За сентябрь было зарегистрировано 23 случая категорического отказа целых селений, 14 случаев отказа колхозов и 86 случаев отказа единоличников от принятия и выполнения плана хлебозаготовок [4. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1298. Л. 198].

Закон от 7 августа 1932 г. и инструкция от 8 мая 1933 г. привели к новой после раскулачивания волне репрессий. Только по Удмуртии с августа 1932 по июнь 1934 гг. был осужден 2381 человек [9. Ф. Р.-195. Оп. 1. Д. 1090. Л. 37]. Областные органы

УАО отмечали, что «людей легко осуждают, например, в Юкаменске людей осуждают на поле и сразу садят» [9. Ф. Р.-195. Оп. 1. Д. 1090. Л. 47].

Несколько позднее на территории созданного Кировского края спецколлегией Кировского крайсуда, рассматривавшей только наиболее крупные дела, за время с 1 января по 1 октября 1935 г. было рассмотрено 4 дела. По ним был осужден 91 человек, из них 9 кулаков, 8 единоличников, 41 колхозник, 14 рабочих, 9 служащих, 10 прочих. Мера наказания: расстрел – 14 человек, до 10 лет лишения свободы – 18, до 5 лет – 6, до 3 лет – 26, ИТР – 19, оправдано – 7. Верховный суд все расстрелы заменил 10 годами лишения свободы [3. Ф. 1255. Оп. 1. Д. 3. Л. 96-97].

Хороший урожай 1934 г. позволил нормализовать ситуацию и ликвидировать негативные последствия прошлых лет, но впереди был еще один голод – 1936 г., который вновь больно ударил по деревне.

Голод 1932–1933 г. ярко продемонстрировал, что нацеленный на решение грандиозных задач сталинский режим был готов к жертвам среди населения.

Библиографический список

1. Государственный архив Кировской области.
2. Государственный архив Нижегородской области.
3. Государственный архив социально-политической истории Кировской области.
4. Государственный общественно-политический архив Нижегородской области.
5. Горьковская коммуна. 1934. 3 февраля.
6. Зеленин И.Е. Политотделы МТС – продолжение политики «чрезвычайщины» (1933–1934) // Отечественная история. 1992. № 6. С. 56.
7. Правда. 1932. 9 октября.
8. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы: в 5 т. / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М., 2002.
9. Центральный государственный архив Удмуртской Республики.
10. Центр документации новейшей истории Удмуртской Республики.

*O.N. Lekontsev**

REASONS AND CONSEQUENCES OF HUNGER OF 1932–1933 (ON THE MATERIALS OF THE KYROV REGION AND THE UDMURT REPUBLIC)

In the article it is told about the reasons and consequences of hunger of 1932–1933 on the example of the two typical regions of non-chernozem area – the Udmurt Republic and future Kirov region. The beginning of the 1930-ies was marked by difficult climatic conditions that in the end resulted in hunger. However the leading reason was the tax policy of the state, depriving the peasantry of food. Hundreds of thousands of peasants of the two regions were doomed to hunger. Under such conditions the state strengthened the repressions, but simultaneously rendered food aid.

Key words: Hunger, state, taxes, climatic terms help, is a peasantry, resistance.

* *Lekontsev Oleg Nikolaevich* (ONLekontsev@mail.ru), the Dept. of Domestic History, Glazov State Pedagogical Institute, Glazov, 427621, the Udmurt Republic.